

УДК 93/94

DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Оригинальное исследование

На пути к «предписанному» православию: начальный этап русской конфессионализации (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.)

Пенской В.В. Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. В данной статье автор продолжает начатое в предыдущей публикации изучение феномена конфессионализации, на этот раз применительно к конкретно-историческим условиям России раннего Нового времени. В ней он предлагает свое видение периодизации процессов конфессионализации в России, выделяя в них три периода. Ранний приходится на сер. XV – сер. XVI вв. Второй был связан с событиями 30-х – 80-х гг. XVII в. Начало третьего этапа пришлось на время правления Петра I и было связано с попытками создания в России «регулярного» полицейского государства. Завершается он вместе с отказом от попыток довести до работоспособного состояния «регулярного» государства во 2-й пол. 50-х – нач. 60-х гг. XIX в. Главное внимание в статье уделено анализу особенностей этого общественно-политического и культурного феномена на первом этапе его развития. В это время, по мнению автора, закладываются основы русского варианта конфессионализации, формируются ее характерные черты и особенности и определяется главный вектор ее развития в последующие десятилетия и столетия.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, традиция, обычай, православие, государство, церковь, конфессионализация, Россия

Для цитирования: Пенской В.В. 2025. На пути к «предписанному» православию: начальный этап русской конфессионализации (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 113–125. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Way to the "Prescribed" Orthodoxy: The Initial Stage of Russian Confessionalization (2nd Half of the 15th – 1st Half of the 16th Centuries)

Vitaliy V. Pensky Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, RussiaE-mail: penskoy@bsuedu.ru

Abstract. In this article, the author continues the study of the confessionalization phenomenon, which he began in the previous publication. This time, he turns to the specific historical conditions of Russia in the early modern period. The author offers his vision of the periodization of confessionalization processes in Russia, identifying three periods. The early one stretches from the middle of the 15th to the middle of the 16th century. The second was associated with the events of the 1530s -1580s. The beginning of the third stage fell on the reign of Peter I and was associated with attempts to create a "regular" police state in Russia. It ends with the abandonment of attempts to bring the "regular" state to a working state from the second half of the 1850s to early 1860s. The main attention in the article is paid to the analysis of the features of this socio-political and cultural phenomenon at the first stage of its development. At this time, according to the author, the foundations of the Russian version

© Пенской В.В., 2025

of confessionalization are laid, its characteristic features and features are formed, and the main vector of its development in the following decades and centuries is determined.

Keywords: Middle Ages, Early Modern, Tradition, Custom, Orthodoxy, State, Church, Confessionalization, Russia

For citation: Pensko V.V. 2025. On the Way to the "Prescribed" Orthodoxy: The Initial Stage of Russian Confessionalization (2nd Half of the 15th – 1st Half of the 16th Centuries). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 113–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение. Об объекте и методах исследования

В предыдущей статье речь шла о феномене европейской конфессионализации раннего Нового времени. Она выступала одной из важнейших «стратегий», посредством которых верховная власть в европейских государствах той эпохи большим или меньшим успехом выстраивала здание раннемодерной государственности. Как и прежде, объектом нашего исследования выступают взаимоотношения власти, общества и церкви в это переходное время с тем лишь отличием, что в качестве предмета его на этот раз будет русский вариант конфессионализации. Использование историко-системного, историко-культурного и, естественно, сравнительно-исторического методов на общем фоне цивилизационного подхода позволило не только сделать положительное заключение относительно того, существовала ли русская конфессионализация, но еще и выявить ее особенности и отличия от европейских ее вариаций. При этом, говоря о своеобразии русского варианта этого феномена, мы исходили из того, что складывание русского раннемодерного общества происходило в условиях, отличных от европейских. Иные стартовые условия и обусловили эти отличия.

О сущности конфессионализации

Говоря о европейской конфессионализации, мы имеем в виду прежде всего конфессионализацию в Германии – отсюда началась протестантская Реформация, которая дала толчок Реформации католической. В итоге совместными усилиями власти, церкви и *corporationes* в странах Западной Европы на протяжении 2-й четв. XVI – 1-й пол. XVII вв. в общем и в целом был завершён процесс религиозного размежевания и формирования обновленной католической конфессии и множества протестантских, среди которых выделялись лютеранская (евангелическая) и разные изводы кальвинистской.

Эта конфессионализация (*Konfessionalisierung*), по мнению А.Ю. Прокопьева, применительно к лютеранской конфессии в Германии после 1556 г. «характеризуется тремя процессами, ставшими свойственными всем другим конфессиям в Германии: *отмежеванием* от других исповеданий (от кальвинизма, цвинглианства, спиритуализма, швайнкфельдианства, католичества, анабаптизма), *внутренней консолидацией* за счет объединения различных направлений в лютеранстве и *формированием территориальной церкви* под эгидой князей, что обеспечивалось территориальной экспансией Реформации после 1555 г.» [Прокопьев, 2008, с. 96].

Однако мы все же не согласимся с таким толкованием сущности *Konfessionalisierung*. На наш взгляд, в данном случае речь идет все же о начальном ее этапе – о *Konfessionsbildung*. Собственно же конфессионализация, сопряженная с *Sozialdisziplinierung*, образует следующий этап внутренней трансформации и государства, и общества, и самой конфессии. *Konfessionsbildung* выступает, таким образом, первым, сугубо религиозным этапом конфессионализации, затрагивающим как территориальный, так организационный и идеологический аспекты оформления конфессии. Он предшествует собственно *Konfessionalisierung*.

Последняя представляла собой масштабный и многоплановый процесс перестройки всей общественно-политической и идеологической системы раннемодерных европейских государств и общества. Ее результатом стала реинтеграция последних на обновленной религиозной основе и формирование того самого «конфессионального абсолютизма» эпохи раннего Нового времени с его принципом «*Cuius regio eius religio*». При этом, подчеркнем особо этот момент еще раз, импульсы, обусловившие ход и особенности как *Konfessionalisierung*, так и *Sozialdisziplinierung*, шли и «сверху», и «снизу». В итоге в раннее Новое время (по меньшей мере до начала XVIII в.), как отмечал Н.Н. Покровский, «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними» [Покровский, 1991, с. 6. Ср.: *Rethinking Leviathan*, 1999, p. 1–12]. В итоге в решении социально значимых вопросов власть и общество («политический народ» как его наиболее активная и влиятельная часть) были вынуждены тесно взаимодействовать, в том числе и в религиозной сфере. Раннемодерная Россия не была исключением в этом плане.

О русском варианте конфессионализации

Естественно, что эта общая схема конфессионализации с учетом региональных особенностей политического, социального и религиозно-культурного развития обретала характерные местные отличия. Русское государство и русское общество раннего Нового времени в этом отношении не были исключениями, и русский вариант конфессионализации существенно отличался от «классического» «германского». В чем заключались эти отличия и особенности?

Прежде всего, отметим, что, по нашему мнению, сам по себе процесс конфессионализации (в широком смысле) в раннемодерной России достаточно четко разделяется на три этапа-волны. Первый этап охватывает промежуток времени между серединой XV столетия и серединой XVI века (то есть существенно раньше, чем этот процесс был запущен в Германии), второй оказался растянут почти на весь XVII век (с 20-х – 30-х гг. и далее). Наконец, третий этап связан с попытками построения в России «регулярного» полицейского государства (от реформ Петра I до реформ Николая I, то есть с нач. XVIII по сер. XIX вв.). Наиболее важным, на наш взгляд, представляется именно первый этап русской конфессионализации, когда не только завершаются в целом процессы православного *Konfessionsbildung*, но и закладываются сами основы русской модели *Konfessionalisierung*, которые получают свое развитие на втором и третьем ее этапах. По этой причине далее речь пойдет о важнейших событиях первого века русской конфессионализации.

Важнейшим событием этого первого этапа, безусловно, стало «создание конфессии». Оно должно рассматриваться, на наш взгляд, в трех тесно взаимосвязанных аспектах – в религиозном, территориальном и организационном.

Говоря о религиозном обособлении, заметим, что оно имеет в русском случае давнюю природу – начало этого процесса можно отнести к «Великой Схизме» 1054 г. Следующим ее этапом стала 1-я пол. XIV в., когда Золотая Орда принимает ислам. И, наконец, в свою завершающую стадию этот процесс вступает в конце XIV в., и связан он был с претензиями великих литовских князей на доминирование в Восточной Европе. Не сумев подчинить своей воле русскую митрополию, они взяли курс на создание собственной православной митрополии, рассчитывая перевести в ее подчинение те православные епархии на контролируемых Гедиминовичами территориях. Политический подтекст этих действий по расколу восточноевропейского православного пространства со стороны литовских князей в конце XIV – нач. XV вв. дополнился и религиозным – Кревская уния и Городельский привилей открыли дорогу для широкой экспансии католицизма в земли Великого княжества Литовского.

Серьезным ударом по единству восточноевропейского православного пространства стал Ферраро-Флорентийский собор и Флорентийская уния 1439 г. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор подписал соглашение об унии и в дальнейшем выступал одним из наиболее активных ее сторонников, но его действия не нашли понимания в Москве. Великий князь Василий II отказался признать унию. Более того, он приказал арестовать митрополита и настоял на созыве собора русских епископов, которые осудили действия Исидора и отвергли акт унии. Следствием этого шага стал собор 1448 г., состоявшийся по инициативе великого князя. На нем русские епископы избрали рязанского и муромского епископа Иону новым митрополитом, причем это решение не было согласовано, как прежде, с Константинополем, так как в Москве считали, что и патриарх, и император, приняв унию, уклонились в латинство. Примечательно, что на этом соборе не присутствовали епископ тверской и архиепископ новгородский, ограничившиеся присылкой утвердительных грамот.

Этот шаг Москвы ускорил запущенный литовскими великими князьями процесс территориального размежевания «московского» и «литовского» «изводов» восточноевропейского православия. Оно стало необратимым после того, как в 1458 г. униатский патриарх константинопольский Григорий Мамма рукоположил в митрополиты киевские ученика и протодиакона Исидора Григория Болгарина, под властью которого были объединены православные епархии, находившиеся на территории Польши и Литвы. Таким образом, к тому моменту, когда Иван III стал великим князем московским и владимирским, процесс территориального, религиозного и организационного обособления Русской церкви в целом был завершен. Теперь перед светской властью (в лице великих князей – патронов-покровителей русской церкви) и властью духовной (в лице московских митрополитов) встала чрезвычайно сложная и неоднозначная задача – добиться внутренней консолидации «московской» церкви.

Эта внутренняя консолидация также имела несколько уровней. Прежде всего необходимо было решить вопрос о создании более или менее жесткой вертикали власти внутри самой церкви, избавиться от пережитков удельной старины и подчинить власти митрополита и епископат и настоятелей крупнейших и влиятельнейших монастырей. В идеале эта власть должна была соответствовать формуле, которую выразил архиепископ новгородский Серапион во время разбирательства причин его конфликта с Иосифом Волоцким: «Волен, деи, яз в своем черныце, а князь Федор в своем монастыре – хочет жалует, хочет грабит» [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 193].

Решение этой задачи отчасти облегчалось тем, что в процессе «собирания земель» и «собирания власти» великие московские князья постарались свести к минимуму удельную «старину», присоединив к своему «домену» такие значительные в политическом и ином плане княжества и земли, как, к примеру, Тверское или Новгород. С ликвидацией их политической субъектности почвы лишились и попытки местных церковных иерархов вести независимую от московских митрополитов политику (в особенности это касалось архиепископов новгородских [См., например: Успенский, 2023, с. 42–82]).

Вместе с тем стоит заметить, что наряду с этим препятствием, унаследованным от прежней «старины», было и другое, не менее традиционное и, пожалуй, еще более труднопреодолимое. Речь идет об институте патроната, возникшем еще на заре истории христианства на Руси и подошедшем к началу раннего Нового времени в устоявшейся форме. Исследовавший особенности этого института Б.Н. Флоря отмечал, что отношения патроната способствовали складыванию такого положения, когда, во-первых, духовенство не имело собственной самоуправляющейся организации и аппарат церковного управления был слабо развит; во-вторых, клир не был отделен от остального населения в правовом отношении и находился в зависимости от своих патронов, а епископ обладал лишь литургическими функциями, занимался освящением храмов и поставлением клириков (кандидатуры которых ранее были одобрены патронами) [См.: Флоря, 2007, с. 72, 81]. И, само собой, церковное

имущество не было защищено от посягательств со стороны светских патронов, ибо, с их точки зрения, и церкви, и монастыри со всем, что к ним «тянуло», являлись частью «отчины» патрона (и неважно, был ли он князем великим или удельным, боярином или сыном боярским или даже коллективным «вотчинником», как мужи новгородские или черносозные «мирь»).

Освященная «старинной» власть патрона над находящимися в его «отчине» церковными учреждениями и структурами затрагивала практически все сферы деятельности церкви. А.А. Казаков, анализируя причины и следствия конфликта между ростовским архиепископом Вассианом и белозерским князем Михаилом Андреевичем в 1477 г. относительно прав на Кирилло-Белозерский монастырь, отмечал, что «монастыри, основанные в уделах, в хозяйственных, имущественных и правовых вопросах **целиком и полностью** зависели от удельных князей-патронов (выделено нами – **В.П.**)...» [Казаков, 2022, с. 201–202]. От себя же добавим к этому, что сказанное историком по отношению к монастырям касалось в полной мере и «вотчинных» церквей и их причта [См., например: Флоря, 2007, с. 65–66]. Что же означало на практике выражение «целиком и полностью», наглядно показал другой конфликт, возникший между игуменом Иосифом Волоцким и князем Федором Борисовичем Волоцким. Князь, посягавший на монастырское имущество, был уверен в своем праве – как заявили его люди игумену, «**волен, де, государь, в своих монастырех** (и в церквях – **В.П.**), **хочет жалуеть, хочет грабит** (выделено нами – **В.П.**)...» [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 210].

Патрон считал себя вправе вмешиваться в хозяйственные вопросы (контролировать расходы и доходы монастыря или церкви; регулировать вопросы, связанные с выполняемыми в пользу церковных учреждений повинностями и поборами со стороны подвластных им крестьян); распоряжаться по своему усмотрению церковной и монастырской недвижимостью и вообще имуществом (которое он рассматривал де-факто как свое собственное – тот же князь Федор, по словам Иосифа Волоцкого, «имал, как хотел» из монастырской казны «кони, доспех, платие», «иное даром просит, а иное на полцены емлет», не говоря уже о деньгах, драгоценностях, церковных облачениях и утвари, иконах, книгах и пр. [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 210–212]); по своему же усмотрению замещать вакантные должности в монастырях и церквях и вообще поступать так, как ему заблагорассудится, с конкретными клириками, рассматривая их едва ли не как своих холопов; блюсти внутренний распорядок в тех же монастырях и вершить суд и расправу (если последнее право жалованной грамотой не передавалось в руки того же игумена) [См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1952, с. 396, 397; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1958, с. 526–527; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1964, с. 93, 471; Акты феодального землевладения и хозяйства, 1956, с. 102; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950, с. 358; Жития преподобного Иосифа Волоцкого, 2007, с. 64, 65; Назаров, 1966, с. 354–368; Стоглав, 2015, с. 147, 216 и др.].

Под контролем патрона находились даже вопросы, связанные с отправлением религиозного культа, и сама сердцевина религии – ответ на вопрос «како веруеши?». А.И. Алексеев по этому поводу писал, что «предметом конфликтов часто служили не традиционное право печалования за опальных, но вопросы, находившиеся сугубо в компетенции иерархии: порядок освящения церквей, вопросы канонизации и др.» [Алексеев, 2019, с. 191]. Ярким примером тому может служить конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием по поводу того, каким образом следует освящать церкви. Пока этот спор не был разрешен, Иван своим распоряжением «с год не велел свещати» «свои» церкви в столице [См., например: Львовская летопись, 2005, с. 348]. О симпатиях же, которые испытывал Иван III к еретикам-жидовствующим, писали практически все исследователи, которые занимались изучением проблем взаимоотношений церкви и государства в России в конце XV в. (историографию вопроса подробно рассматривал, к примеру, А.И. Алексеев [Алексеев, 2012, с. 215–250]). Так что когда А.И. Алексеев, говоря об Иване III, писал, что

«великий князь являлся гармоничной личностью, в которой уважение к Церкви, почитание святых и монастырей сочетались со стремлением властно проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая порой в острые конфликты с высшей иерархией» [Алексеев, 2010, с. 149], то эти слова можно отнести в полной мере не только к нему и другим князьям московского правящего дома (тому же Дмитрию Ивановичу Донскому, отношения которого с высшей церковной иерархией после смерти митрополита Алексия были весьма далеки от благодетельных). Это же касается и других русских князей – тех же великих князей тверских.

И нельзя сказать, что сама церковь в лице ее отдельных (и порой весьма влиятельных персонажей) была особенно против такого положения дел. Так, тверской монах Акиндин, обвинивший митрополита Петра в симонии, в своем «Написании», руководствуясь принципом «Царь еси, господине княже, в своей земли», потребовал от тверского князя Михаила Ярославича вступить в церковную распрю. «Ты истязан имаши на страшнем и нелицемернем судищи Христове, аже смолчиши митрополиту», – писал он, обращаясь к князю [Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 158]. Точно так же Иосиф Волоцкий, рассматривая верховную власть как богоустановленную [См., например: Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 230], считал государя ответственным за все, что происходит в его государстве [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2011, с. 408]. И власть эта распространялась, по мнению преподобного, в полной мере на церковь [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 195–196].

Подобные примеры можно множить и множить, но полагаем, что в этом нет особой необходимости, ибо тенденция более чем налицо. С чем связано это явление – полагаем, что немаловажную роль сыграло здесь наряду с существованием института патроната еще и отмеченное выше отсутствие развитого церковного административного аппарата и «сословного» самоуправления, о чем писал Б.Н. Флоря. Ранняя институционализация церкви способствовала бы ее автономизации от светской власти, однако этого не случилось. В итоге отношения зависимости проникли глубоко в самую толщу церковного «тела».

Ненормальность такого положения епископат русской церкви ощутил еще в домонгольский период, и тогда же предпринимались первые попытки исправить ситуацию (что примечательно – при поддержке извне, со стороны константинопольского патриархата) [См., например: Древнерусские княжеские уставы, 1976, с. 144; Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 82, 83]. Важной вехой на этом пути стал собор 1274 г., решения которого усиливали власть епископа над низовым клиром [Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 92, 108]. От ордынских «царей» русские митрополиты добились освобождения от каких-либо налогов и повинностей, а также запрета «вступаться» (понятие, трактовать которое можно в довольно широких пределах – **В.П.**) в принадлежащие церквям и монастырям «земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы» [См.: Григорьев, 2004, с. 44, 65–66, 114, 202]. Дальнейшее развитие получает и церковная администрация – в источниках упоминаются митрополичьи и епископские наместники и десятичники, которые, судя по всему, были клириками [См., например: Древнерусские княжеские уставы, 1976, с. 178, 179; Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 92]. Однако в дальнейшем эта тенденция, как отмечал Б.Н. Флоря, не получила развития [Флоря, 2007, с. 92].

Почему так получилось? На наш взгляд, это было связано с теми особенными условиями, в которых происходило становление Русского государства и русской церкви на излете Средневековья. Когда высшие иерархи русской церкви по настоянию великого князя пошли на столь серьезный шаг, как избрание митрополита без согласования с константинопольским патриархом, считавшимся главой русской церкви, то в итоге они лишились той внешней опоры, используя которую они могли бы избавиться (или, по крайней мере, существенно ослабить) от подчинения светской власти. Зависимость русской церкви и ее иерархии от светской власти не только не уменьшилась, но еще и усилилась. И аморфная в организационном и религиозном отношениях русская церковь, пребывая во

враждебном окружении, не препятствовала этому, ибо выжить и продолжить исполнять свои функции она могла только с опорой на власть.

Вместе с тем нельзя не отметить такой парадоксальный, на первый взгляд, факт – 2-я половина XV – начало XVI вв. стали временем, когда окончательно оформляются структуры центрального административного аппарата при митрополичьей кафедре. Исследовавший этот вопрос А.Ю. Савосичев отмечал в этой связи, что в это время митрополичий двор следует по своим функциям и структуре вслед за Государевым двором (и в этом отношении он если и запаздывал по сравнению с двором великокняжеским, то несущественно – **В.П.**) [Савосичев, 2019, с. 93]. Связь между этими процессами, суверенизацией Русского государства и завершением отмежевания русской митрополии и церкви от иных представляется несомненной, тем более что и великокняжеский двор в это же время вступает на путь постепенной трансформации прежней патримониальной «вотчинной» администрации в общегосударственную.

Но почему государство пошло на такой шаг и де-факто одобрило создание параллельной властной структуры? Ведь соглашаясь с тем, что митрополиты выстраивают свою вертикаль власти, великие князья тем самым как будто ослабляли свою власть над церковью и ограничивали свой «внутренний» суверенитет (здесь стоит напомнить о практике раздачи великими и удельными князьями иммунитетных грамот церковным структурам и учреждениям, посредством которых принадлежавшие церкви земельные владения и люди, проживавшие на них, практически выводились из-под княжеской юрисдикции [См., например: Акты Троицкого Калязина монастыря, 2007, с. 23, 52, 53, 72]).

Однако такая их политика представляется противоречащей «собираанию власти» только на первый взгляд. Особенностью раннемодерных государств была, как уже было отмечено прежде, слабость их властной мускулатуры [См., например: Петров, 2008, с. 376], «инфраструктурной власти» [О ее сути см.: Mann, 1984, p. 189]. Следствием этого являлось вынужденное сотрудничество верховной власти с влиятельными и авторитетными местными политическими, финансово-экономическими и религиозными элитами. Они рассматривались ею де-факто как младшие партнеры в деле управления страной. И чтобы церковь могла выполнять налагаемые этим статусом функции, она обязана была обзавестись собственным административным, фискальным и судебным аппаратом. Тем самым нагрузка на немногочисленную и маломощную великокняжескую администрацию снижалась за счет переноса части управленческих функций на администрацию церковную.

Но была и другая причина, не менее, если не более важная, почему верховная власть не видела существенной угрозы со стороны усиливающейся внутренне церкви. Молодое Русское государство формировалось, писал Ю.Г. Алексеев, как «земско-служилое». Его системообразующим принципом, вокруг которого выстраивалась вся система отношений между властью, обществом в целом, сословиями-«чинами» и отдельными подданными, был принцип обязательной службы Отечеству и государю всея Руси как его персональному воплощению. Поэтому верховная власть не видела для себя ущерба в том, что власть духовная выстраивает свою параллельную административную, правовую и фискальную вертикаль. Все равно эта вертикаль являлась таким же элементом общей системы управления государством, как и земское самоуправление, будучи встроенной, по наблюдению Ю.Г. Алексеева, в «иерархическую систему общин, подчиненных общеземской власти в лице государя всея Руси – гаранта правды и милости в духе православного менталитета» [См.: Алексеев, 2001, с. 433–434].

Таким образом, к исходу XV в. можно вести речь о том, что складывается в целом такая система отношений между церковью и верховной властью, которая развивала сложившиеся ранее отношения патроната и ставила церковь, ее учреждения и структуры под эгиду государя всея Руси и на его службу. При этом за государем сохранялось право вмешиваться в широких пределах во внутрицерковные дела ради ее, церкви, «исправления», а сами отношения между государем и церковными иерархами

выстраивались на основе «старинны» и носили ярко выраженный субъективный характер. Многие, если не все, зависело от персональных качеств великого князя, митрополита и епископов с игуменами наиболее влиятельных монастырей, насколько они готовы к сотрудничеству и компромиссу ради общих, а не партикулярных интересов.

Естественно, что это не всем пришлось по вкусу, в том числе и внутри самой церкви. Так, ростовский священник Георгий Скрипица в своем «Написании» резко высказался против установившегося нового порядка, обвинив митрополита и епископов в том, что они управляют церковью «по царьскому сану земного царя, бояры и дворецкими, неделщиками и тиуны, своих деля прибытков, а не по достоянию небесного царя воинству» [См.: Русский феодальный архив, 1987, с. 667]. Это недовольство нашло свое отражение в бурных дискуссиях внутри церкви конца XV – 1-й пол. XVI вв. вокруг вопроса о правомерности монастырского землевладения и об отношении к еретикам и др. вопросам, которые периодически выносились на суд государя и боярства. Все они способствовали внутренней консолидации церкви на определенной религиозно-идеологической «платформе». В нашем случае речь идет о так называемом «иосифлянстве» (название это неточное, поскольку основы этой «платформы» начали создаваться задолго до того, как начал свою деятельность преподобный Иосиф Волоцкий, и завершились намного позже его смерти). Сторонники этой «платформы» сумели доказать свою полезность верховной власти не в последнюю очередь тем, что их политико-религиозная философия покоилась на принципе религиозно-земской службы, социального «тягла», добровольно возложенного на себя Церковью [См.: Зеньковский, 2001, с. 47; Флоровский, 2009, с. 31]. Одолев с помощью государства, оценившего их готовность содействовать власти в построении «храмины» Русской православной державы, своих оппонентов, иосифляне надолго утвердили свое доминирование в церкви и религиозно-идеологической сфере Русского государства.

Параллельно с процессом внутренней консолидации церкви запускаются и процессы социального дисциплинирования, которые в первую очередь коснулись самой церкви и ее служителей. Собственно говоря, мотив о недостаточной христианизации, которая носила внешний характер, и касалось это не только мирян, но и клириков, звучал в проповедях и посланиях церковных иерархов давно [См., например: Поучение философа, епископа Българодьскаго, 1997, с. 286–290; 2-е поучение преподобнаго Серапиона, 1997, с. 372, 374, 376 и др.], а жанр учительного-назидательных сочинений пользовался немалой популярностью в кругу церковных и околоцерковных книжников [См., например: Бернштам, 2007, с. 149–150]. Однако теперь, когда ситуация и в стране, и вокруг нее радикально переменилась, когда в кругу церковных интеллектуалов постепенно вызревает идея об избранности Русского государства («Москва – III Рим»), проблема соответствия поведения и клириков, и мирян христианским канонам становилась все более злободневной. Последнее истинно православное царство не должно было погибнуть из-за того, что его жители вели не соответствующий требованиям православных канонов образ жизни. Однако до поры до времени, пока борьба за приведение морали и поведения клириков и мирян к требованиям канона оставалась уделом книжников и церковных иерархов, обращавшихся к своей пастве с увещательными посланиями (в этом плане весьма любопытно творчество митрополита Даниила, писателя весьма начитанного и плодовитого, относившегося к своим пастырским обязанностям весьма ответственно), она по определению не могла иметь большого успеха, тем более тогда, когда «мир», по словам П.С. Стефановича, «в приходском духовенстве видел лишь одну из земских выборных должностей» [Стефанович, 1997, с. 31].

Ситуация изменилась, когда к разрешению этой проблемы активно подключилось государство. Голос церковных книжников, неоднократно, но без особого успеха обращавшихся к Ивану III и Василию III, был услышан молодым царем Иваном IV. Импульсивный и впечатлительный, Иван был глубоко потрясен событиями лета 1547 г. – сперва зрелищем дотла выжегшего Москву грандиозного пожара, а затем явлением перед ним с оружием в руках взбунтовавшегося московского люда: «И от сего убо вниде страх в

душу мою и трепет в кости моя» [Стоглав, 2015, с. 47]. Результатом этого потрясения стало то, что Иван, до того пренебрегавший своими обязанностями православного государя, теперь начал относиться к ним должным образом. И убежденный в том, что бедствия, постигшие его державу и столицу, есть следствие той несправедливой жизни, которую вели все, от самого государя до последнего его подданного [Стоглав, 2015, с. 46–47], молодой царь занялся «устроением» своего царства, в том числе и в церковно-религиозном отношении.

Центральное место в политике конфессионализации, которую де-факто проводило «правительство» молодого Ивана IV, занимает, несомненно, созванный в начале 1551 г. Стоглавый собор. Не касаясь подробно истории его созыва и работы (это не входит в нашу задачу), подчеркнем, что этот собор, на котором был обсужден весьма широкий круг вопросов, касавшихся церковного строительства и того, что сегодня мы называем «социальном дисциплинировании», по существу подвел итоги столетнего периода развития русской церкви как церкви автономной. При этом, как отмечала Л.Б. Сукина, решения Стоглавого собора, «имевшие силу юридического акта и документа нормативной регламентации религиозной жизни православного населения на всей территории Русского государства», давали в руки верховной власти необходимый правовой инструментарий и поддержку со стороны церкви в деле наведения порядка в исповедании православной веры и воспитания населения в духе православного благочестия [Сукина, 2021, с. 57]. И, говоря о той роли, которую сыграл этот собор в деле русской конфессионализации, стоит вспомнить о любопытной параллели, которую провел Е.Е. Голубинский. По его мнению, есть несомненное сходство между православным Стоглавым собором и католическим собором Тридентским. Созданные примерно в одно и то же время, писал историк, они решали примерно одни и те же задачи по обновлению церкви, наведению порядка в ее внутренней жизни и социальному дисциплинированию, касавшемуся и клириков, и мирян [Голубинский, 1900, с. 789].

Своеобразным дополнением к «Стоглаву» стал «Домострой», сборник нравственно-назидательного характера, отредактированного с учетом решений собора 1551 г. священником Кремлевского Благовещенского собора Сильвестром. Этот сборник, предназначенный в первую очередь для мирян, включал в себя, помимо прочих, еще и блок текстов, закреплявших, по словам Л.Б. Сукиной, «нормативный образец православного человека» [Сукина, 2021 с. 58]. Тем самым «Домострой», как отмечали авторы очерка о Сильвестре в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Д.И. Буланин и В.В. Колесов, «в настоящем своем виде входит органической частью в правительственные мероприятия сер. XVI в. по регламентации общественной и частной жизни» [Буланин, Колесов, 1989, с. 328].

Итоги первого этапа русской конфессионализации

Безусловно, появление на свет решений Стоглавого собора и «Домостроя» не решило разом тех проблем, которые в них упоминались. Они продолжили существовать и в церкви, и в обществе, так что спустя сто лет необходимость нового церковного и общественного «устроения» породило движение ревнителей благочестия и никонианских реформ, определивших лицо второго этапа русской конфессионализации). Тем не менее, Иван IV и митрополит Макарий определили вектор дальнейшего развития и сумели добиться определенного продвижения вперед на пути реинтеграции раннемодерных русских государства и общества на обновленной религиозной основе. Так что в известном смысле английский купец-авантюрист и дипломат Дж Горсей был прав, когда, подводя итоги религиозной политики Ивана IV, писал в своих записках, что «этот царь установил и обнародовал единое для всех вероисповедание, учение и богослужение в церкви» [Горсей, 1990, с. 91].

Если же вести речь в целом о результатах первого этапа конфессионализации в раннемодерной России, то нельзя не согласиться с мнением Н.М. Никольского. Он отмечал,

что за сто лет, от избрания Ионы митрополитом и до Стоглавого собора, «московская церковь стала национальной, со своим независимым от греков главою, со своими святыми, со своим культом, значительно отличавшимся от греческого, даже со своей догматикой, установленной на Стоглавом соборе» [Никольский, 1985, с. 110]. Можно с уверенностью сказать, что в целом вопросы, связанные с обособлением Русской церкви и ее внутренней консолидацией в этот промежуток времени, были решены, запущены процессы социального дисциплинирования, а сама конфессионализация вышла на новый уровень.

Список литературы

- Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. 2007. Москва – Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 248 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1952. Т. I. Москва, Изд-во АН СССР, 804 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1958. Т. II. Москва, Изд-во АН СССР, 727 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1964. Т. III. Москва, Наука, 687 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. 1956. Часть 2-я. Москва, Изд-во АН СССР, 663 с.
- Алексеев А.И. 2019. «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных дисциплин, 376 с.
- Алексеев А.И. 2012. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. Москва, Индрик, 560 с.
- Алексеев А.И. 2010. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, 390 с.
- Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 448 с.
- Бернштам Т.А. 2007. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та; Петербургское Востоковедение, 311 с.
- Буланин Д.И., Колесов В.В. 1989. Сильвестр. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2. Л. – Я. Москва, Наука: 323–333.
- Преподобный Иосиф Волоцкий. 2007. Послания. Санкт-Петербург, Аксион эстин, 390 с.
- Преподобный Иосиф Волоцкий. 2011. Просветитель. Москва, Институт русской цивилизации, 432 с.
- Григорьев А.П. 2004. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского университета, 276 с.
- Голубинский Е.Е. 1900. История Русской церкви. Период второй, московский. Т. II. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. Москва, Университетская типография, VIII – 919 с.
- Горсей Дж. 1990. Записки о России XVI – начало XVII в. Москва, Изд-во МГУ, 288 с.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. 1976. Москва, Наука, 240 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 586 с.
- Жития преподобного Иосифа Волоцкого. 2007. Санкт-Петербург, Аксион эстин, 192 с.
- Зеньковский В. Протоиерей. 2001. История русской философии. Москва, Академический Проект, Раритет, 880 с.
- Казakov А.А. 2022. Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 292 с.
- Львовская летопись. 2005. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Москва, Языки славянских культур, 704 с.
- Назаров В.Д. 1966. Жалованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великопустыньскому Авраамьеву монастырю. *Археографический ежегодник за 1965 год*. Москва, Наука: 354–368.
- Никольский Н.М. 1985. История Русской церкви. Москва, Политиздат: 447 с.
- Памятники древнерусского канонического права. 1880. Часть первая (памятники XI–XV вв.). *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*. Т. 6. Санкт-Петербург, Тип-я Имп. Академии наук: IV – XX – 1313.

- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). *Очерки феодальной России*. Вып. 12. Москва – Санкт-Петербург, Альянс-Архео: 365–382.
- Покровский Н.Н. 1991. От редактора. В кн.: Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука: 3–12.
- Поучение философа, епископа Българодьскаго. 1997. В кн.: Библиотека литературы древней Руси. Т. 4. XII век. Санкт-Петербург, Наука: 286–290.
- Прокопьев А.Ю. 2008. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 483 с.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 1987. Москва, Институт истории АН СССР, 696 с.
- Савосичев А.Ю. 2019. Структура и функции митрополичьего двора во второй половине XV – начале XVI века. *Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология*. 3: 89–93.
- 2-е поучение преподобнаго Серапиона. 1997. В кн.: Библиотека литературы древней Руси. Т. 5. XIII. Век. Санкт-Петербург, Наука: 372–376.
- Стефанович П.С. 1997. Приход и приходское духовенство в России до начала XVIII в. (к постановке проблемы). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 5. История*. 4: 18–39.
- Стоглав. Текст. Словоуказатель. 2015. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив: 320.
- Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). 2021. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 359 с.
- Успенский Б.А. 2023. Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в Новгороде). *Slovéne*. 1: 42–82.
- Флоровский Г. 2009. Протоиерей. Пути русского богословия. Москва, Институт русской цивилизации, 848 с.
- Флоря Б.Н. 2007. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Сборник. Москва, ЦНЦ «ПЭ», 528 с.
- Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. Vol. 25. No. 2. Tending the Roots: Nationalism and Populism: 185–213.
- Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. 1999. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 428.

References

- Akty` Troiczkiego Kalyazina monasty`rya XVI v. [Acts of the Trinity Kalyazin Monastery of the 16th Century]. 2007. Moscow - Saint Petersburg Al`yans-Archeo, 248 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1952. T. I. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 804 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1958. T. II. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 727 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1964. T. III. Moscow, Nauka, 687 p.
- Akty` feodal`nogo zemlevladieniya i xozyajstva. [Acts of Feudal Land Ownership and Economy]. 1956. Chast` 2-ya. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 663 p.
- Alekseev A.I. 2019. «Bodroopasny`j vojn Xristov». Iosif Voloczkiy i ego sochineniya v svete danny`x sovremennoj nauki ["The Dangerous Warrior of Christ." Joseph Volotsky and His Works in Light of Modern Scientific Data]. M.-SPb.: Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x disciplin, 376 p.

- Alekseev A.I. 2012. Religiozny'e dvizheniya na Rusi poslednej treti XIV – nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuyushhie [Religious Movements in Rus' in the Last Third of the 14th – Early 16th Centuries: Strigolniki and Judaizers]. Moscow, Indrik, 560 p.
- Alekseev A.I. 2010. Sochineniya Iosifa Voloczskogo v kontekste polemiki 1480–1510 gg. [Works of Joseph Volotsky in the Context of the Controversy of the 1480s – 1510s.]. Saint Petersburg, Rossijskaya nacional'naya biblioteka, 390 p.
- Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [The Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 448 p.
- Bernshtam, T.A. 2007. Prihodskaya zhizn' russkoj derevni: ocherki po cerkovnoj e'tnografii [Parish Life of the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Peterburgskoe Vostokovedenie, 311 p.
- Bulanin, D.I., Kolesov, V.V. 1989. Sil' vestr [Sylvester]. In Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vy'p. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Chast' 2. L – Ya. Moscow, Nauka: 323–333.
- Prepodobny'j Iosif Voloczskij. 2007. Poslaniya [Epistles]. Saint Petersburg, Aksion e'stin, 390.
- Prepodobny'j Iosif Voloczskij. 2011. Prosvetitel' [Enlightener]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 432 p.
- Grigor'ev A.P. 2004. Sbornik xanskix yarly'kov russkim mitropolitam. Istochnikovedcheskij analiz zolotoordyn'skix dokumentov [Collection of Khan's Labels to Russian Metropolitans. Source Analysis of Golden Horde Documents]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 276 p.
- Golubinskij E.E. 1900. Istoriya Russkoj cerkvi. Period vtoroj, moskovskij. T. II. Ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no. Pervaya polovina toma [History of the Russian Church. The Second, Moscow Period. Vol. II. From the Mongol Invasion to and including Metropolitan Macarius]. Moscow, Universitetskaya tipografiya: VIII – 919.
- Gorsej Dzh. 1990. Zapiski o Rossii XVI – nachalo XVII v. [Notes on Russia in the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo MGU, 288 p.
- Drevnerusskie knyazheskie ustavy' XI–XV vv. [Old Russian Princely Charters of the 11th – 15th Centuries]. 1976. Moscow, Nauka, 240 p.
- Duxovny'e i dogovorny'e gramoty' velikix i udel'ny'x knyazej XIV–XVI vv. [Testament and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14th – 16th Centuries]. 1950. Moscow – Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 586 p.
- Zhitiya prepodobnogo Iosifa Voloczskogo [Lives of the Venerable Joseph of Volotsk]. 2007. Saint Petersburg, Aksion e'stin, 192 p.
- Zen'kovskij V. Protoierej. 2001. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Raritet, 880 p.
- Kazakov A.A. 2022. Iosif Voloczskij: ot agiograficheskogo povestvovaniya k nauchnoj biografii [Joseph Volotsky: from a Hagiographic Narrative to a Scientific Biography]. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny'x iniciativ, 292 p.
- L'vovskaya letopis' [Lvov's Chronicle]. 2005. In Polnoe sobranie russkix letopisej. T. XX. Moscow, Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 704 p.
- Nazarov V.D. 1966. Zhalovannaya gramota Lzhedmitriya I Galiczkomu Velikopusty'nskomu Avraam'evu monasty'ryu [Charter of False Dmitry I to the Galician Velikopustynsky Abraham Monastery]. In Arxeograficheskij ezhegodnik za 1965 god. Moscow, Nauka: 354–368.
- Nikol'skij N.M. 1985. Istoriya Russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat, 447 p.
- Pamyatniki drevne-russkogo kanonicheskogo prava. Chast' pervaya (pamyatniki XI–XV vv.) [Monuments of Old Russian Canon Law. Part One (Monuments of the 11th – 15th Centuries)]. 1880. In Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arxeograficheskoyu komissieyu. T. 6. Saint Petersburg, Tip-ya Imp. Akademii nauk: IV – XX – 1313.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny' XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 Have the Significance of a Law in Its Modern Understanding? (Regarding the Article by S.N. Kisterev "The Grand Ducal Code of 1497 and the Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")]. In Ocherki feodal'noj Rossii. Vy'p. 12. Moscow - Saint Petersburg, Al'yans-Arxeo: 365–382.
- Pokrovskij N.N. 1991. Ot redaktora [From the Editor]. In Alekseev Yu.G. Gosudar' vseya Rusi. Novosibirsk, Nauka, 240 p.

- Pouchenie filosafo, episkopa Belgorod'skago [Instructions of the Philosopher, Bishop of Belgorod]. 1997. In *Biblioteka literatury drevnej Rusi*. T. 4. XII vek. Saint Petersburg, Nauka: 286–290.
- Prokop'ev A.Yu. 2008. Germaniya v e'poxu religioznogo raskola. 1555 – 1648 [Germany in the Era of Religious Schism. 1555–1648]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 483 p.
- Russkij feodal'nyj arxiv XIV – pervoj tre'ti XVI veka [Russian Feudal Archive of the 14th – First Third of the 16th Century]. 1987. Moscow, Institut istorii AN SSSR, 696 p.
- Savosichev A.Yu. 2019. Struktura i funkcii mitropolich'ego dvora vo vtoroj polovine XV – nachale XVI veka [Structure and Functions of the Metropolitan Court in the Second Half of the 15th – Early 16th Century]. In *Vestnik VGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. 3: 89–93.
- 2-e pouchenie prepodobnago Serapiona [The 2nd Instruction of the Venerable Serapion]. 1997. In *Biblioteka literatury drevnej Rusi*. T. 5. XIII. Vek. Saint Petersburg, Nauka: 372–376.
- Stefanovich P.S. 1997. Prikhod i prihodskoe duxovenstvo v Rossii do nachala XVIII v. (k postanovke problemy) [Parish and Parish Clergy in Russia before the Beginning of the XVIII Century. (Towards the Formulation of the Problem)]. In *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyj zhurnal. Seriya 5. Istoriya*. 4: 18–39.
- Stoglav. Tekst. Slovoukazatel' [Stoglav. Text. Word Index]. 2015. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny'x iniciativ, 320 p.
- Sukina L.B. 2021. Pozdnyaya osen' russkogo Srednevekov'ya. Ocherki kul'turnoj istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI – XVII vv.) [Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th – 17th Centuries)]. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny'x iniciativ, 359 p.
- Uspenskij B.A. 2023. Iona, arxiepiskop Novgorodskij, i vopros o kanonicheskom podchinenii Novgorodskoj eparxii (K istorii bor'by moskovskoj i litovskoj partii v Novgorode) [Jonah, Archbishop of Novgorod, and the Question of Canonical Subordination of the Novgorod Diocese (On the History of the Struggle between the Moscow and Lithuanian Parties in Novgorod)]. In *Slovéne*. 1: 42–82.
- Florovskij G. 2009. Protoierej. Puti russkogo bogosloviya [Archpriest. Paths of Russian Theology]. Moscow, Institut russkoj civilizaci, 848 p.
- Florya B.N. 2007. Issledovaniya po istorii cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e. Sbornik [Research in the History of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, CzNCz «PE», 528 p.
- Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. Vol. 25. No. 2. Tending the Roots: Nationalism and Populism: 185–213.
- Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. 1999. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 428.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.01.2025

Received 31.01.2025

Поступила после рецензирования 22.02.2025

Revised 22.02.2025

Принята к публикации 24.02.2025

Accepted 24.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-4092-8992](https://orcid.org/0000-0002-4092-8992)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia